

УДК 821.161.1-3

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА Ф. А. АБРАМОВА
«ИЗ КОЛЕНА АВВАКУМОВА»****С. Ю. Николаева**

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье рассматриваются особенности функционирования агиографической традиции в современной русской литературе. Особое внимание уделяется жанру житийного рассказа как значимого явления современного литературного процесса. Акцент сделан на анализе малоизвестного произведения Ф. Абрамова «Из колена Аввакумова», исследуется его проблематика и поэтика, выявляется своеобразие стиля, расшифровываются скрытые пласты идеологической и эстетической полемики, комментируется интертекстуальный слой, делается вывод о жанрово-стилевом своеобразии.

Ключевые слова: *литературный процесс, проза XX–XXI века, жанр, житийный рассказ, агиографическая традиция, «духовный реализм», интертекстуальность.*

Характерной чертой русского общественного сознания последних десятилетий XX – начала XXI века является актуализация религиозно-философской мысли, а одной из идейно-художественных доминант литературного процесса – обращение многих писателей к традициям древнерусской словесности, культуры, эстетики. «Тысячелетние корни» русской литературы, лежащие в глубинах христианской православной культуры, становятся, по признанию ученых, залогом преодоления «жесточкого кризиса» в ее текущем развитии [4, с. 11]. Безусловно, житийные традиции приобретают при этом особое значение: они способствуют формированию и утверждению «духовного реализма» как типа творчества [15, с. 36–82], позволяют ввести в литературу героя нового типа, использовать новые жанрово-композиционные и стилистические возможности, разрабатывать новую проблематику. Прежде всего авторы произведений, опирающиеся на богатый духовный и эстетический опыт русской агиографии, ставят вопросы веры и безверия, праведничества и заблуждений, святости и греховности и – как результат – решают проблему русского национального характера. К их числу можно отнести рассказы и повести Ф. А. Абрамова («Пролетали лебеди», «Из колена Аввакумова», «Сказание о великом коммунаре», «Олешина изба», «Самая счастливая», «Последний старик деревни», «Куст рукотворный») и В. Н. Крупина («Люби меня, как я тебя», «Прощай Россия, встретимся в раю», «Великорецкая купель», «Крестный ход», «Утя», «Молитва матери», ««Сокол»», «Колокол», «Марина-Марин», а также обобщающий крупинский труд – книгу «Русские святые»). Русский национальный характер осмысливается в них с онтологической точки зрения, с учетом христианской (православной) системы ценностей и законов бытия, имеющей тысячелетнюю историю на Руси.

Жанровое своеобразие названных произведений, как уже было сказано, определяется связью с житийной традицией, причем речь должна идти о таких ее

разновидностях, как проложная (более строгая и учительная), минейная (в большей мере беллетризованная и потому пространная), патериковая (новеллистическая). К первому разряду явно тяготеют абрамовские «Сказание о великом коммунаре» и «Куст рукотворный», крупинские «Марина-Марин» и «Утя», ко второму – «Из колена Аввакумова» Ф. А. Абрамова и «Русские святые» – своеобразные «Четы-Миней» В. Н. Крупина. «Последний старик деревни», «Молитва матери», «“Сокол”», «Колокол» – эти шедевры воспринимаются как патериковые новеллы и действительно воспроизводят соответствующую жанровую структуру с ее «чудесами», «видениями», «явлениями», «случаями».

Более того, следуя классификации житий по типу героя, предложенной В. В. Кусковым, можно в современной прозе обнаружить соответствующие модификации жанра, и тогда «Олешина изба» будет рассматриваться как житие столпника, «Пролетали лебеди», «“Сокол”» и «Марина-Марин» – как жития юродивых, «Из колена Аввакумова» – как мученическое житие, «Молитва матери» – как житие исповедническое. Типология средневековых житийных героев и персонажей современного житийного рассказа обладает общностью не только и не столько эстетической или идеологической, сколько духовной (религиозной) и нравственно-психологической: перед нами проходят русские мученики и исповедники, юродивые и отшельники, каждый из которых олицетворяет собой особую, отдельно воплощенную грань русского национального характера.

Воспользовавшись термином «житийный рассказ», можно увеличить объем и содержание этого понятия и предложить такое определение: «житийное повествование». Ведь не вызывает сомнений художественное родство значительных по объему крупинских повестей («Люби меня, как я тебя», «Прощай, Россия, встретимся в раю», «Великорецкая купель», «Крестный ход») с краткими житийными рассказами писателя. Потребность во введении таких терминов обусловлена невозможностью и неисторичностью использования слов «житие» и «агиография» при описании современной жанровой системы.

В начале 1980-х годов литературоведы попытались обосновать правомерность вычленения особой внутрижанровой разновидности – «житийного рассказа» – в современной русской новеллистике, учитывая прежде всего такие ее жанровые признаки, как конфликтообразующая антиномия «человека» и «судьбы», широкий пространственно-временной охват событий, протяженный во времени и сжатый в коротком повествовании «сюжет-судьба», преобладание сюжетного авторского повествования над другими речевыми структурами, эпическая точка зрения повествователя [6, с. 17]. Справедливо отмечено, что современный житийный рассказ не следует считать прямым и непосредственным продолжением агиографической традиции (это влияние опосредовано промежуточными звеньями в истории жанра). Однако очевидна неправомерность научного подхода, который абсолютизирует различия между содержанием современного житийного рассказа и тематикой средневековой агиографии [Там же, с. 8–9]. Это происходит потому, что исследователь избегает обсуждения вопросов религиозного сознания и национальной русской ментальности, а ведь именно они в первую очередь обуславливают связь старинной и современной русской «житийной» литературы.

Более того: по нашему мнению, термин «житийный рассказ» мог бы использоваться более плодотворно (ведь он призван описывать вполне сложившийся идейно-художественный феномен), если бы он был корректнее и теснее соотнесен с понятием «агиография». Как известно, житие – далеко не всякое жизнеописание,

в котором раскрывается и реализуется антиномия «человека» и «судьбы», но прежде всего это жизнеописание святого, праведника, это произведение, отстаивающее христианские нравственные ценности, и судьба в нем осмысливается не как цепь случайностей на жизненном пути героя, а как «суды Божии неиспытываемые», Божье произволение, которому подчиняется истинно русский человек.

В основе житийной структуры лежит архетип судьбы Иисуса Христа, повествование о его земной жизни. Каждое житие – это «благая весть» о том или ином праведнике, о его борьбе за веру и во имя веры, это история жизни идеального, «положительно прекрасного» человека, который на своем примере показывает действенность православной этики и напоминает о Христе. Поэтому неизменными атрибутами житийного рассказа, его жанрообразующими признаками должны быть особая образная система, включающая в себя тип героя-защитника веры или героя-богоискателя, образы священнослужителей, церкви, Бога, приметы религиозного быта, формы воплощения или даже непосредственного олицетворения понятий добра и зла, особый сюжет с элементами фантастического, основанный на некоем «чуде» или «знамении».

Отыскивая в современной действительности героя, достойного стать действующим лицом житийного рассказа, писатели глубоко проникают в структуру русского национального характера и в эпоху господства различных разрушающих этот характер сил пытаются выявить и закрепить в сознании читателя некие его доминанты. Такими доминантами следует считать аскетизм и самоотверженность русской женщины («Марина-Марин», «Колокол» Крупина, «Самая счастливая» Абрамова), способность трудиться на благо людям вопреки людскому непониманию и осуждению («Сказание о великом коммунаре» и «Куст рукотворный» Абрамова), бескорыстие и сила любви («Люби меня, как я тебя» Крупина, «Последний старик деревни» Абрамова), «широкость» натуры русского человека, готового проповедовать «идеал Мадонны» с «идеалом содомским» (выражения Достоевского), сочетание в нем крайностей, противоположностей, сомнений и веры («Олешина изба» Абрамова, «Колокол», «Утя» Крупина).

Собственно говоря, историческая дистанция между каноническим житием и современным житийным рассказом обусловлена особенностями религиозного (или безрелигиозного) сознания писателя (впрочем, следует признать, что житийные рассказы как в XIX, так и в XX вв. создавали в основном художники верующие или ищущие веру), степенью беллетризации жанра и принципами новой и новейшей характерологии. Произведения писателей Нового и Новейшего времени более беллетризованы, более психологичны, в большей мере учитывают научный, материалистический характер сознания читателя, нежели традиционная агиография [7]. Но на уровне жанровой структуры, композиции сюжета, пространственно-временной структуры и авторского мировосприятия и мироотношения связь современного житийного рассказа с житием выглядит более тесной, чем представляется в цитированной выше работе Н. Ф. Локтева [6].

Показательным в данном отношении представляется рассказ Ф. А. Абрамова «Из колена Аввакумова» (1978), занимающий особое место как в творчестве самого писателя, так и в контексте новейшей русской литературы в целом, хотя в критике и литературоведении он обойден вниманием, недооценен и лишь упоминается как пример, иллюстрирующий разнообразие жанров в прозе Ф. Абрамова [1, с. 156]. Между тем благодаря тонкому и глубокому художественному анализу феномена русской веры и русской святости этот рассказ является истинным шедевром.

Он повествует о подвиге веры, совершенном обычной русской женщиной («обычной русской святой»), и содержит в себе ключевые жанровые признаки жития.

Как известно, герой жития происходит от благочестивых, верующих родителей и с юных лет проявляет стремление к служению Богу, а если же какой-либо из этих признаков отсутствует, то это толкуется автором как еще одно важнейшее доказательство его святости, которая формируется вопреки неблагоприятным обстоятельствам, или как повод для обращения героя в христианскую веру. В истории жизни и судьбы абрамовской Соломеи (Соломиды) точкой отсчета стал случай, произошедший с нею в молодости: после тяжелой крестьянской работы на сенокосе за сорок верст от дома она согрешила «похвальным словом» и побежала на «игрище», за что и была наказана тяжелой болезнью – обезножела: «Вот как меня господь-то Бог за похвальное слово наказал» [Там же, с. 453]. Заметим, что этот недуг один из наиболее типичных, которыми страдают обычно персонажи житийных повестей, повестей об иконах и совершаемых ими чудесах.

Условия исцеления, выдвинутые лекаркой Марьей-постницей перед Соломидой, – это фактически «маркеры» житийного жанра, которые направляют повествование в русло традиционной агиографии, превращая героиню в святую: Соломида должна оставить навсегда гулянки и игрища, то есть отрешиться от мирской жизни, перейти в «старую», то есть истинную, по мнению рассказчика, веру и, наконец, совершить паломничество в Пустозерье, за 500 верст от Пинеги, к «святому великомученику Аббакуму» и поклониться его кресту. Героиня эти условия принимает и исцеляется не только телом, но и духом, так как на избранном пути терпеливо, с опорой на божье слово, сносит все испытания: «Сподобилась принять крещение морозами да снегами. *Страсть, страсть* эти хивусати тамошние – метели-то да бураны снежные. Как *задует, задует*, ни земли, ни неба не видно, по пяти ден из кушни, лесной избы, выбраться не можем. *Все угорим, все облюемся – о беда*. Але темень-то эта тамошняя. У нас о ту пору, возле Рождества, свету немного бывает, а там день-то – как зорька сыграт, а то *все ночь, все темень* кромешная. Мужики *звезды в небе ищут, по звездам* едут, а я *крестом* себе дорогу освещаю» ([Там же, с. 452]; здесь и далее курсив мой – С.Н.). Сама стилистика рассказа Соломиды (отмеченные в тексте повторы и восклицания) близка к стилистике «Жития» «огнепального протопопа», последовательницей которого ей довелось стать. Преемственность духовного поиска Аввакума и абрамовской героини «из колена Аввакумова», защита своей веры в любых самых страшных обстоятельствах – вот что делает Соломиду святой. Как диктует житийный канон, прежде всего люди подтверждают это – они идут к ней со всей Пинеги, чтобы услышать ее рассказ и тем самым прикоснуться, ощутить свою причастность к святых своей веры.

Несомненны аллюзии и реминисценции из «Жития» Аввакума и в воспоминаниях Соломиды о лагере, в котором она сидела «за веру», и о «карьцере»: «... *зуб на зуб не попадат. Руки коченеют. О, думаешь*, хоть бы щепиночку какую дали, я бы и то обогрелась. А потом думаю: а слово-то божье мне зачем дадено? Помолюсь, *раскалю себя молитвой*, вспомню про праведника Аббакума, как его *в яме-то, в подземелье* гноили да холодами пытали, голой сидел, мне и теплее станет. *Словом, словом* божьим обогрелась» [Там же, с. 455]. Стилистические приемы подкрепляют очевидность сюжетных параллелей между абрамовским рассказом и «Житием» Аввакума, достаточно вспомнить: «Осень была, дождь на меня шель, всю ночь под капелию лежал. Какъ били, так не болно было с молитвою тою <...>. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; леть вода по брюху и

спине, – нужно было гораздо <...>. Грустно гораздо, да душе добро: не пеняю уже на Бога вдругорят <...>. Его же любить Богъ, того наказуетъ; биет же всякаго сына, его же приемлет <...>. И сидел до Филипова поста в студеной башне, – тамъ зима в те поры живеть – да Богъ грель и без плагья!» [12, с. 364].

Еще один фрагмент рассказа содержит явные житийные признаки. Речь идет о замужестве и бесплодном браке Соломиды. И вновь она выдерживает посланное ей испытание, осознав, что «се от Бога», и обратившись к молитве [1, с. 453]. Вновь Бог помогает ей, исцеляет ее мужа.

Святость героини проявляется в ее необычайных способностях. Она сумела своего мужа, избитого до смерти, «божьим словом из мертвых воскресить» [Там же], могла «животину строптивую» укрощать – например, коня у Фокти-барышника [Там же, с. 454]. Сама Соломида прекрасно понимает, что благодаря «божьему слову» причастна к высшим силам: «Святые-то угодники, в пустошах которые жили, какие чудеса в старину творили! Льва и медведя укрощали» [Там же]. Подтверждает особую связь старухи с окружающим миром Божьим и рассказчик, описывающий «молоденькую овечку», доверчиво ткнувшуюся в ее колени [Там же, с. 449].

Вера составляет главный смысл и содержание жизни Соломиды, и во всем она видит Промысел Божий. Об этом свидетельствует и ее объяснение своей репутации «икотницы» (муж в молодости пригрозил драчунам: «Я на вас икот напущу», отсюда и ненависть людей: «Вот ведь как к бесам-то взывать, а не к Богу-то» [Там же, с. 453].), и сцена ее противостояния «иродам»-односельчанам, решившим погубить ее и мужа: «Разве у смертного человека хватило бы силы одной на супостатов пойти, крест из кола поднять да огонь из себя родить?.. Тогда ведь и спичек не было...» [Там же].

Финал жизни Соломиды традиционно-житийный: она не только с удивительной и устрашающей других людей точностью предсказывает свою смерть, собрав в нужный момент старух и баб для прощания, но и оправдывается перед миром своей легкой смертью, подтверждает свою правоту, свое праведничество: «Что ты, как не святая. Икотницы-то помирают – по целым дням кричат да корчатся, бесы мучают. А тут ведь как голубок вздохнула» [Там же, с. 457].

Повествователь делает вполне определенный и оправданный вывод о судьбе Соломиды, а тем самым и о жанре своего рассказа: «Да, бабушка, ...не жизнь у тебя, а целое житие» [Там же, с. 456]. Заметим, что это «житие» изложено самой Соломидой, то есть духовный опыт Аввакума преломлен и усвоен ею полностью.

Следует отметить, что художественный замысел Ф. Абрамова интересен и сложен. Достаточно сказать, что литературными источниками для писателя послужили «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», а также, по-видимому, апокриф о Соломее и повесть о Соломонии бесноватой.

Соломея – образ двойственный. С одной стороны, это мать апостолов Иакова и Иоанна Богослова, то есть праведница. С другой стороны, это дочь Иродиады, жены Ирода Антипы, потребовавшая по наущению своей матери голову Иоанна Крестителя [13, стлб. 2095]. Героиня абрамовского рассказа по сути своей праведница, святая, претерпевшая множество страданий за свою веру, однако в восприятии людей она, хоть и вследствие клеветы, но злая «икотница», ворожея, грешница. Абрамовская Соломея не виновата в приписываемом ей грехе, но невольно становится объектом народного гнева и возмущения, народная молва осуждает ее за умение «насылать» тяжкую болезнь «икоту», подобно тому как в апокрифе дочь Иродиады поневоле участвует в зарождении мирового «вихря»,

«лихорадки», «плясавицы», «трясавицы». В своей переработке соответствующего апокрифа именно такой смысловой акцент сделал А. Ремизов, характеризуя свое «смутное» время [2, с. 54–55], а Ф. Абрамов использовал эту систему образов в описании жития своей Соломеи, современницы коллективизации, репрессий и других трагических событий XX века. Абрамовская героиня живет своей внутренней жизнью, обособленной и отгороженной от жизни односельчан, но вместе с тем она роковым образом вовлечена в круговорот истории в том смысле, что общественное мнение избирает ее на роль виновницы всего происходящего, на нее возлагается ответственность за все те беды и страдания, которые выпадают на долю русского народа. И удивительно, что Соломея терпеливо несет свой нелегкий крест, искупая грех своего мужа (легкомысленное слово), а также грехи многих других людей. Осознать сущность текущего исторического момента и истоки совершающейся на глазах национальной трагедии (гибель деревни, разрушение русского традиционного бытового уклада, утрату веры) простой народ не может в силу различных социальных, психологических, идеологических причин, ему гораздо легче обвинить во всех бедах «злую икотницу». Соломея взваливает на себя непосильную ношу искупления общенационального греха, и это искупление действительно происходит, что подтверждается ее легкой смертью: «Как голубок вздохнула». Посмертное оправдание Соломеи – это оправдание всего народа, который на протяжении XX столетия совершил множество ошибок и грехов, но при этом много страдал и тем самым искупил грехи. Бог не покинул Соломею, а значит, не покинул и ее родную деревню Койду, не покинет и Россию. Так следует понимать финал рассказа, в котором подчеркивается безымянность могилы Соломеи, заброшенность кладбища и самой деревни: на свежем сосновом столбике «не было ни единой буквы, ни единого знака». «Знаки» автору и не нужны, ведь речь идет о любой русской деревне, о России в целом, о тех праведниках, без которых не стоит ни одно село и которыми держится Русская земля.

Вследствие созвучия имен Соломея и Соломония в творческом сознании Ф. Абрамова могли контаминироваться два источника, тем более что в обоих речь идет «о борьбе темных, бесовских и светлых, божественных сил за душу человека» [15, с. 45] и в обоих побеждает христианская мораль, вера. Поэтика повести о Соломонии бесноватой отразилась в творчестве В. Шишкова [Там же] и, на наш взгляд, в описании болезни «икоты» и смерти «икотниц» у Ф. Абрамова.

Целостное исследование функционирования агиографической традиции в литературе Нового и Новейшего времени, анализ художественного своеобразия и содержания русских житий, их эволюции, изучение феномена «русской святости» – насущная задача современного литературоведения. Эту задачу ставил В.Ф. Перверзев, мечтавший написать монографию о житиях начиная с «Жития Феодосия Печерского» и до «Жизни Климата Самгина», эта проблема стала предметом размышлений В.В. Кускова, утверждавшего, что житийные традиции ярко преломлялись в литературе XVIII–XIX вв. и даже «в лучших созданиях века XX» [5, с. 45]. Но в наши дни, когда современный литературный процесс порождает новые и новые примеры обращения к данной традиции, в исследовательской практике вызревают новые подходы и принципы их анализа.

«Валентностью в литературном процессе обладают не только принципы художественной историософии <...> и приемы типизации в ходе социального анализа <...>, но и способы освоения «чужого слова», особенности интертекста <...>. Многие современные поэты в поисках тем и сюжетов обращаются не к жизни, а к

литературе и тем самым обрекают себя на вторичность, литературшину, словесную игру, перепев чужого» [9, с. 78]. Опираясь на древнерусские источники, Ф. Абрамов «работает с прецедентными текстами очень деликатно, вдумчиво, использует их как аргумент в собственных построениях и концепциях» [Там же, с. 79], он не только продолжает житийную традицию, но еще и движется в русле «духовного реализма» таких своих предшественников, как А. Ремизов, В. Шишков и другие авторы, обрабатывавшие те же житийные и апокрифические сюжеты.

«Подлинность, истинность, осуществимость жизни духа» [10, с. 71] героев Ф. Абрамова следует рассматривать и осмысливать в рамках такого типа творчества, как «духовный реализм» (методологический потенциал этого термина широко и плодотворно разрабатывается В.А. Редькиным и рядом других ученых [8; 11; 14; 15; 16; 17; 18]), в связи с этой литературоведческой проблематикой представляется правомерным дальнейшее изучение современного житийного рассказа [7].

Список литературы

1. Абрамов Ф. А. Чистая книга. Избранное. М. : Эксмо, 2003. 654 с.
2. Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб. : PETROPOLIS, 2000. 346 с.
3. Зайцев В. А., Герасименко А. П. История русской литературы второй половины XX века. М. : Высшая школа, 2004. 346 с.
4. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. научн. тр. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 3–15.
5. Кусков В. В. Роль православия в становлении и развитии древнерусской культуры // Кусков В. В. Эстетика идеальной жизни. Избранные труды. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. С. 41–59.
6. Локтев Н. Ф. «Житийный» рассказ в современной русской новеллистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. Ф. Локтев ; Моск. обл. пед. ин-т. М., 1981. 24 с.
7. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова) : монография. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2010. 252 с.
8. Николаева С. Ю. Духовная реальность в поэмах Ю. П. Кузнецова «Молитва» и «Золотая гора» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2009. № 23. Вып. 2. С. 109–120.
9. Николаева С. Ю. «Когда минет злоба дня и настанет будущее...» : новые книги тверских поэтов и литературный процесс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. Вып. 3. С. 68–81.
10. Николаева С. Ю. Новые тенденции в поэтическом творчестве Николая Капитанова и Владимира Львова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. Вып. 1. С. 68–79.
11. Николаева С. Ю. О символике пейзажа в «Воскресении Л. Н. Толстого» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 10. Вып. 3. С. 78–86.
12. Памятники литературы Древней Руси: XVII век : кн. 2. Вып. 11. М. : Худож. лит., 1989. 680 с.
13. Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, [1913]. Стб. 1131–2464, [4] с.

14. Редькин В. А. «Былинное поле» А. Ганина как мифологическая поэма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Вып. 28 (56). 2007. С. 45–53.
15. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 152 с.
16. Редькин В. А. Наследие Ю. Кузнецова в творчестве тверских поэтов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. Вып. 1. С. 93–101.
17. Редькин В. А. Онтологические проблемы в творчестве Сергея Есенина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Вып. 14. 2007. С. 52–57.
18. Редькин В. А. «Русская идея» Юрия Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 2 (4). Вып. 1. С. 48–68.

THE GENRE ORIGINALITY OF THE STORY OF F. A. ABRAMOV “OF THE TRIBE BY AVVAKUM”

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

In the article the features of functioning of the hagiographic tradition in modern Russian literature are regarded. Special attention is paid to the hagiographic genre of the story as a meaningful phenomenon of contemporary literary process. Emphasis is placed on the analysis of little-known works by F. Abramov, “Of the tribe by Avvakum”, it investigates its problems and poetics, reveals the uniqueness of style, decrypted hidden layers of ideological and aesthetic debate, commented intertextual layer, the conclusion about the genre and stylistic originality.

Keywords: *literary process, literature, prose of the XX–XXI century, genre, hagiographic story, and the hagiographic tradition, “spiritual realism”, intertextuality.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.